

Оскільки ж вплив саме західної цивілізації на інші регіони планети є надзвичайно вагомим і великим, остільки криза Заходу у перспективі своїй сприймається як криза людства в цілому.

Дійсно, криза західної цивілізації певним чином «визначила» межу виживання людства у масштабах всієї планети. Однак криза й потенційно можливий кінець західної цивілізації не треба сприймати як кінець нессвітньої історії. Можна припустити, що зазначена криза може набути масштабів загальнолюдської трагедії. Однак набагато ефективнішим наслідком свого оптимізму є припущення стосовно альтернативності загальноісторичної ситуації, ніж визнання її однозначної трагедійності.

Перспективи. Дана стаття виступає підґрунтям подальшого дослідження феномена соціального.

Бібліографічні посилання

1. **Бодрийяр Ж.** Общество потребления. Его мифы и структуры [Текст] / Ж. Бодрийяр. – М.: Республика; Культурная революция, 2006. – 269 с.
2. **Бодрийяр Ж.** Пароли. От фрагмента к фрагменту [Текст] / Ж. Бодрийяр. – Екатеринбург: У-Фактория, 2006. – 200 с.
3. **Бодрийяр Ж.** Прозрачность зла [Текст] / Ж. Бодрийяр. – М.: Добросвет, КДУ, 2006. – 258 с.
4. **Бодрийяр Ж.** Символический обмен и смерть [Текст] / Ж. Бодрийяр. – М.: Добросвет, КДУ, 2006. – 389 с.
5. **Вельш В.** Наш постмодерный модерн [Текст] / В. Вельш. – К.: Альтерпресс, 2004. – 328 с.
6. Енциклопедія постмодернізму [Текст] / За ред. Ч. Вінквіста та В. Тейлора. – К.: Вид-во Соломії Павличко «Освіта», 2003. – 503 с.

Надійшла до редколегії 06.01.11

УДК. 316.37

В. И. Палагута

Национальная металлургическая академия Украины

ПРОБЛЕМА НАБЛЮДАТЕЛЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ: ВОЗМОЖНО ЛИ ИММАНЕНТНОЕ НАБЛЮДЕНИЕ ПРИ СОЗДАНИИ МИКРОУРОВНЕВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ?

В світлі розробки конструктивістсько-топологічної мікрорівневої соціальної теорії самоідентифікації суб'єкту аналізується можливість використання двох підходів до спостереження соціальної реальності – іманентного та трансцендентного.

Ключові слова: метапозиція, метаязык, іманентна та трансцендентна позиції спостереження, дискурсивні простори самоідентифікації.

В свете разработки конструктивистско-топологической микроуровневой социальной теории самоидентификации субъекта анализируется возможность применения двух подходов к наблюдению социальной реальности – имманентного и трансцендентного.

Ключевые слова: метапозиция, метаязык, имманентная и трансцендентная позиции наблюдения, дискурсивные пространства самоидентификации.

The possibility of usage of two approaches to observation of the social reality – immanent and transcendent – is analyzed in the light of development of the constructive and topological micro level social theory of subject self-identification.

Keywords: meta-position, meta-language, immanent and transcendent position of observation, discursive spaces of self-identification.

В свете разработанной автором настоящей статьи концепции дискурсивных пространств самоидентификации, ориентированной на изучение онтологии социального субъекта как самоидентифицирующегося сущего, возникла необходимость в углублении и конкретизации ее теоретических основ, опирающиеся на шеллингианский принцип субъект-объектного тождества и целостный подход к пониманию социальной реальности [9, с. 185–209]. Поэтому, существует потребность в продолжении анализа взаимосвязи процессов самоидентификации с занимаемым субъектом социальными позициями (местами) в социальной реальности. Данный анализ в первую очередь касается изучения проблемы позиции наблюдателя социальной реальности. Представляется необходимым показать преимущества и специфику в теоретическом дискурсе имманентной социальной позиции наблюдения социальной реальности в сравнении с трансцендентной позицией. Более того, вопрос можно поставить еще радикальнее: возможно ли вообще осуществить имманентное наблюдение при создании какой-либо социальной концепции или теории, начиная с исследования микроуровней существования социума? Прояснение этого достаточно сложного вопроса будет способствовать проведению сравнительного анализа моделей структурирования дискурсивного пространства самоидентификации субъекта с позиций имманентного и трансцендентной позиции наблюдения социальной реальности.

Действительно, если задать себе вопрос – какая имеющихся двух социально-теоретических позиций наблюдателя – трансцендентная или имманентная приемлема для представляемой концепции дискурсивных пространств, то априорно вроде бы последняя обладает тем преимуществом, что позволяет в полной мере избежать процедур гипостазирования и реификации социальной реальности. Можно ее определить и точнее, назвав *последовательно имманентной*¹. В конечном итоге, позиция наблюдателя социальной

¹ И в этом смысле рассматриваемый нами имманентный подход в концепции дискурсивного пространства использует в качестве своей основы фундаментальный принцип перспективизма Лейбница, но уже без трансценде-

реальности определяет горизонт возможностей любой социальной теории/концепции (область наблюдаемого и говоримого ею). Поэтому, чисто интеллигентно микроуровневая концепция дискурсивных пространств самоидентификации социального субъекта свободна от позитивистских и естественнонаучных привнесений, которые свойственны многочисленным субстанционалистским социально-пространственным концепциям. Более того, априорно данная концепция совершенно не предусматривает в своих основных принципах и характеристиках акцент на трактовку социального пространства по аналогии с физическим или «евклидовым» пространством. Напротив, во многих современных вариантах социальной теории, сохраняющих в качестве своей основы традиционные субстанционалистские положения, авторы придерживаются той точки зрения, что категория социального пространства должна быть жестко привязана к непосредственной территории, к месту протекания того или иного социального события, в которое волею судеб вовлечен субъект. Вместе с тем, согласно трансцендентной позиции наблюдателя, *местоположение субъекта* в социальном пространстве всякий раз берется как *сопутствующая характеристика* данности сообщества, в котором субъект является агентом социального действия, как более или менее значимый показатель, но несящий все же, несмотря даже на первоначальную значимость места или территории, *второстепенный характер*. Поэтому, в тематике исследования характеристик социального пространства как таковом в силу его самоочевидности и естественности отсутствует проблематичность, характеристика местоположения субъекта не значима сама по себе, поэтому, как социальный феномен пространство не принадлежит к числу приоритетно исследуемых и наблюдаемых социальных измерений субъективности [10, с. 6–30].

Естественным развитием подобной логики исследования пространственности являются утверждения о том, что субъект – существо, прежде всего социальное, коммутирующее с себе подобными, культурное, моральное, правовое, в конечном счете, *смыслосозидающее* и *смыслоспринимающее* и т. д., а это уже характеристики, далеко выводящие его за границы и физического, и геометрического, и социального пространства как таковых, т. е. данные характеристики представляют нечто совсем иное в субъекте, *метапространственное* и

итной идеи Бога, а именно, следующий модифицированный его принцип – поскольку любая социальная теория или концепция сама по себе уже является дискурсом, то отсюда следует, что она непременно принадлежит изучаемой ею социальной сфере [3, с. 94–113]. Другими словами, в любом тексте или дискурсе социальной теории, к которой в полной мере можно отнести и концепцию дискурсивных пространств самоидентификации, также, как и в любом другом социальном дискурсе, можно найти специфические *социальные индексы*, указующие и отсылающие к социальной позиции ее создателя или социального теоретика, т. е. тем или иным способом она указывает на его позицию как наблюдателя социальной реальности.

качественно отличное. Более того, смысловая надстройка морали, культуры, коммуникации, религии и т.д. не отрицает пространство в принципе, но они просто *уже* не пространство как таковое. Вот почему в трансцендентной позиции наблюдателя или теоретика предполагается оперирование с уже готовыми, гипостазированными смыслами и дальнейшим изучением пространственности можно пренебречь, в том числе и как характеристикой социального бытия человека. Тем самым, традиционные подходы в рассмотрении социального пространства всегда ориентированы на *метапозицию наблюдателя*, в пределе на позицию внеаходимости, и на трансцендентный смылосозидающий *метадискурс* или *метаязык*. Эта особенность весьма характерна и для многих современных социально-теоретических и социологических теорий, но уже в несколько закамуфлированном виде.

Иное дело, если мы будем рассматривать социальное пространство сквозь призму дискурса субъекта, находящегося в определенной социальной позиции и оттуда, с того места «производящего» теоретический дискурс. И если предельно схематично представить концепцию дискурсивных пространств, то согласно имманентной позиции наблюдения, – формирование, существование, трансформация и исчезновение тех или иных пространственных структур субъективности как реляционных, изменяющихся образований немислимо без непрерывной включенности субъекта в *пространства говорения* или в дискурсивные пространства, понять которые наблюдатель может, лишь находясь в том или ином конкретном месте их осуществления. Но что весьма примечательно, субъекты, непрерывно осуществляя себя как самоидентифицирующее сущее в *дискурсивных пространствах*, своей постоянной вовлеченностью в данные «пространства говорения» *опосредованным образом* непрерывно и множество раз конституируют себя как субъекта. Необходимо отметить, что именно механизмы опосредованной включенности субъекта через самоидентификацию в определенные дискурсивные символические социально-пространственные образования определяют условия и результат «производства» субъективности. Причем каждый раз результат изменяется от «попадания» субъекта в ту или иную социально-пространственную структуру, в то или иное дискурсивное поле. Сейчас приобретает значимость изучение подобной *топологии* «производства» субъективности, понимаемой как набор символических структур дискурсивного пространства, которые определяют его самоидентификацию и, в конечном итоге, его самоопределение как субъекта. Понять ее механизм практически невозможно, если постоянно не удерживать в поле зрения именно то обстоятельство, что самоидентификация *непрерывно* осуществляется как дискурсивный *социально-опосредованный* процесс. Можно сказать, что дискурсивные практики субъекта непрерывно конституируют, воспроизводят, разрушают, создают новые или воссоздают уже имевшиеся дискурсивные пространства самоидентификации, что на *микроуровне социального* выражается субъективной манифестацией многочисленных дискур-

сивных полей. Но, данная схематика нуждается в дальнейшей конкретизации, уточнении и дополнении. Поэтому, исследование субъекта с позиций не только способности, но жизненноважной его потребности к самоидентификации в дискурсивных пространствах и предопределяет приоритетность подобного подхода, а не рассмотрение субъективности только лишь сквозь призму универсального или трансцендентного смысла и смылосозидания, «чистой» событийности, абстрактной телесности, указания на определенное место или позицию субъекта, «просчитываемых» с универсальной метапозиции абсолютного или трансцендентного наблюдателя.

Вместе с тем, обращает на себя внимание то обстоятельство, что многие современные социальные исследователи «уловили» специфику дискурса как одной из реализаций имманентного подхода к изучению социальной реальности на микроуровнях социального. Но вот полностью отказаться от трансцендентализма, по-прежнему, составляет серьезнейшую проблему как в онтологическом, так и в методологическом плане. Потому что откatz от трансцендентной позиции наблюдения требует как существенного изменения отношения к традиционной социально-пространственной теории субъекта, так и вынуждает осуществить переход к чему-то качественно новому, прежде всего к *междисциплинарному* синтетическому подходу в исследовании проблемы социального субъекта, осуществить который невозможно без исследования микроуровней социального. Так, анализ последних монографических исследований по изучаемой проблеме показывает «живучесть» субстанционализма в своих остаточных, «рудиментальных» формах при интерпретации социального пространства субъекта как конгломерата социальных мест¹. На первый взгляд, при анализе позиции субъекта в социальной реальности здесь уже нет непосредственной апелляции к гипостазированным ценностям культуры, морали или общения, значимых самих по себе и непосредственное игнорирование значи-

¹ К примеру, в работе российского социального теоретика и социолога А. Филиппова «Социология пространства», на первый взгляд существует очевидное переосмысление субстанциональной теории социального пространства, в ней четко обозначены следующие ее приоритетные характеристики. Первое – предметной областью при нынешнем изучении социального пространства является «не пространство само по себе, но *социальные события – действия, взаимодействия и коммуникации*, в конституировании которых входит *смысл пространства*. Этой сферой являются также многообразные *социальные места и регионы*, поскольку они имеют определенный смысл для действий, взаимодействий и коммуникаций» субъектов [10, с. 259]. Тем самым, акцент здесь делается на смысловой природе социального пространства как неотъемлемой характеристике субъективных взаимодействий и коммуникаций, исходящей от самого субъекта. Второе – в предметную область социального пространства включается *человеческая телесность*, так как тело «занимает место, перемещается с места на место и является носителем органов чувств, роль которых в определении пространственных зон весьма велика» [10, с. 259].

мости для субъекта социального пространства как кальки физического, чем злоупотребляли традиционные субстанционалистские модели социального пространства, начиная с Г. Зиммеля и П. Сорокина. Так, в концепт «социальное пространство» включаются «общие идеи, общие представления о пространстве, которые иногда явным, а чаще неявным образом сопровождают любое социальное смыслополагание» субъекта [10, с. 259]. Иначе говоря, ментальные образы и схематизированные представления участвуют в процессах смыслополагания или того, что известнейший современный социальный мыслитель З. Бауман называет процессом *социального картографирования пространства*, которое невозможно без «живого» человеческого участия [2, с. 114]. Тогда уже под совершенно другим углом зрения можно посмотреть на метафору *контейнера или вместилища* субстанциональной концепции пространства, доставшуюся социальному познанию от предельно абстрактного, физического представления пространства, восходящего к Р. Декарту и И. Ньютону. Тем более что и З. Бауман, и А. Филиппов не делают принципиального различия социального и физического пространства только в том случае, если эти различия не касаются области представления или мысленного образа как сферы *смыслопорождения*, в которые «включен» сам субъект как его неотъемлемая составляющая. Но при всей внешней убедительности аргументов известных ученых, тем более делающих акцент на коммуникации и общении субъектов, трудно отделаться от мысли о глубинном, а порой и явно закамуфлированном субстанционализме их теоретических размышлений, апеллирующих в качестве высшей инстанции к универсальным категориям: человеческой телесности, месту или территории, смыслу и смыслопорождению, универсальности коммуникации. Интересен в этой связи опыт деконструкции взглядов А. Филиппова, который проделал известный российский тополог Ю. Качанов. Так, размышляя над основной темой научных изысканий А. Филиппова – темой гипостазированного социального пространства, в которой последний как наблюдатель – теоретик занимает метапозицию трансцендентного наблюдения, и где начисто отсутствует социальное время, нарушающее устойчивость и неизблемость социальной реальности, всегда вносящее элементы изменчивости и реляционности, и, в конечном счете, покушающееся на социальный порядок – порядок власти¹. Более того, Ю. Качанов идет еще дальше – он

¹ Так, Ю. Качанов в этой связи пишет: «Настойчивый многолетний интерес А. Филиппова к социологии пространства вырос, быть может, из одного корня с теоретической установкой на отказ от времени как становления, нарушающего устойчивость качеств сущих социального мира... Отличительный исследовательский жест автора – квазипространственное толкование *упорядоченности коммуникаций*, которая мыслится лишенной нелнейной временной топологии, допускающей время-становление... Переменчивое, часто однозначно неизмеримое, но всегда активно вовлеченное в коммуникацию расстояние между действующими субъектами непосредственно

исследует генеалогию научного предпочтения темы социального пространства, к которой непосредственно причастен как функционер науки А. Филиппов в фактах его личной биографии¹.

Подобного рода безосновательные амбиции трансцендентного наблюдателя или теоретика, претендующего на исключительное право обладать универсальным смыслом или истиной, Ж. Лакан именовал не иначе, как «субъекта, предположительно знающего». А К. Леви-Строс ставил вообще под сомнение вообще возможность постижения «абсолютной» истины наблюдателем или теоретиком в лице антрополога или этнолога и отмечал в этой связи, что «существуют туземные модели» (к таковым относятся и все упоминаемые им системы родства в архаических обществах), которые «оказываются лучше моделей профессиональных этнологов» [8, с. 250]. Но ведь здесь кроется одно из предостережений великого французского антрополога против существенных заблуждений современных научных практик социального теоретизирования, поскольку любая социально-философская, социологическая или социально-антропологическая концепция, как и рассматриваемые ею социальные практики субъекта, также является дискурсом. Поэтому она, как и все иные дискурсы, сама принадлежит к рассматриваемой ею сфере. Иными словами, социальное философское, социологическое или социально-антропологическое дискурс находится здесь всегда *внутри*, а не *снаружи*, равно как определяет и саму *имманентность* социального пространства и всей его совокупности положений или мест. Тем самым, имманентный способ рассмотрения социального пространства не допускает этих двусмысленностей, предьявляя социальную определенность в виде *субъекта-наблюдателя* как взгляд на социальную реальность, находящегося «внутри» самой социальной реальности.

Как уже говорилось, горизонт возможностей социальной концепции или теории определяется, как и любой социальный дискурс, специфическими индексами, которые при определенных условиях *поддаются реконструкции* и позволяют определить *истинную социальную позицию* исследователя. Исходя из этого, можно утверждать, что не существует «чистых» социальных объектов, которые

связано с природой самой коммуникации» [7, с. 137–138], и где субъекты, вовлеченные в коммуникацию постоянно *меняются местами*, т. е. непрерывно репрезентируют имманентную позицию наблюдателя.

¹ В первую очередь, важен социальный статус и социальное происхождение А. Филиппова, сформировавшего его как «трансцендентного» наблюдателя-теоретика: «А. Филиппов обладает большим объемом как административных, так и собственно научных ресурсов», пишет в этой связи Ю. Качанов, – «высокое социальное происхождение и хорошее образование, концентрация административных и научных ресурсов дают ему возможность заниматься «большой», «важной» темой – «теоретической социологией» и «глобализацией» – и выносить по ней свой вердикт, не встречающей сопротивления в российском «социологическом сообществе» [7, с. 177]. Но таких как А. Филиппов – «генералов» науки, задающих тематику исследований, – большинство, и как быть тогда с имманентной позицией наблюдения в социальной теории?

не включали бы в свое «производство» (а все социальные объекты проходят через процедуру «производства» или конструирования) *элементы означивания и интерпретации*. Здесь снимается классическая, доставшаяся социальной теории от естественнонаучной модели знания оппозиция между субъектом и объектом, замещающаяся точкой зрения о непрерывности или *континуальности* социального дискурса. Таким образом, можно утверждать, что социальная реальность не обладает *изначальным* смыслом или «истиной», которую свободно можно обозревать и *уже знать* за его пределами с позиции абсолютного или трансцендентного наблюдателя. Вполне очевидно, что подобный подход к позиции теоретика, согласно которому теоретик существует *внутри изучаемой им области* конституирует еще один радикальный разрыв с позитивизмом и его субстанционалистской трактовкой социального пространства, — *отказ от идеи существования метаязыка социальных наук*, который требует специального анализа и выходит за рамки настоящей статьи.

Характеризуя имманентную позицию наблюдателя в социальных науках, российский социальный тополог А. Бикбов определяет ее как «двойной ход исследования» или «двойной разрыв», выделяя при этом три ее базовые характеристики. Они, в свою очередь, задают и сам метод взаимодействия наблюдателя с социальной реальностью: «Во-первых, разрыв с очевидным и заранее сложившимся представлением об объекте; во-вторых, разрыв с внешней по отношению к объекту картиной (вытекающей из требований объективности) и возврат к очевидности, к категориям и иллюзиям, свойственным социальному полю, но уже в контексте установленных объективных различий» [4, с. 326]. Более того, имманентные, производимые наблюдателем/теоретиком «научные классификации зависят как от структуры социального поля в целом, так и от позиции в нем исследователя и социологической бдительности, контролирующей допущения и схемы исследования, отмеченные акцентом той или иной частной перспективы» [4, с. 329]. Как уже говорилось ранее, в имманентном подходе невозможно применять в какой-либо форме метаязык, ибо позиция наблюдателя динамичная — плавающая и вбирающая в себя *множество языков субъективных позиций*, забираемых наблюдателем в дискурсивном социальном пространстве.

¹ И в этом контексте по отношению к социальной теории абсолютно точны характеристики, высказанные Р. Бартом в адрес семиологии: «Я не думаю и не желаю, чтобы семиология была обыкновенной позитивной наукой, и тому есть важнейшая причина: семиологии свойственно задаваться вопросом о своём собственном дискурсе; ведь это наука о языке, о различных языках, и она не может принимать свой собственный язык как простую данность, как нечто прозрачное, как нейтральное орудие — одним словом, как метаязык; она ставит вопрос о месте, *откуда она говорит*, — вопрос, без которого любая наука и любая идеологическая критика ничтожны; для семиологии *субъект*, в том числе и ученый, *не бывает экстерриториален по отношению к своему дискурсу*» [1, с. 230].

К тому же, эти социальные позиции наблюдателя находятся изнутри и не являются «голой» эмпирией полевых исследований социальных наук. В имманентном подходе наблюдения преодолевается известная дилемма социально-философского исследования: социальная эмпирия предоставляет значительную избыточность содержания материала, что в определенной мере провоцирует исследователя занять трансцендентную позицию, с которой гораздо легче произвести их обобщение и сделать общие выводы¹.

На наш взгляд, именно в своей динамической позиции, предусматривающей постоянное изменение угла обзора наблюдателя и занятие каждый раз иной социальной позиции и, вместе с тем, *неустанное движение к собственным социальным основаниям*, не предусматривающим метаязыковые конструкты, а ориентированным исключительно на «живой» язык субъекта, и состоит преимущество имманентного метода наблюдения перед различными вариантами метаязыкового трансцендентного теоретизирования или только эмпирического подхода, для которого, как правило, уже предусмотрено определенная схема обобщения. Исходя из квазисуществования метаязыка для социальных наук, можно утверждать, что социальное пространство никогда не может быть *полностью* помещено в область конструируемых теоретическим дискурсом социальных отношений. Тем самым, теоретический дискурс является не только мышлением *о* социальных отношениях и позициях, но и мышлением *в* социальных отношениях и позициях. Поэтому, социальная концепция/теория сама представляет собой явление социального порядка, а, следовательно, социальное пространство одновременно является и тем, что вписано в мышление и тем, во что вписано само мышление через дискурсивные практики теоретизирования. Итак, представление социальной теории в подобном ракурсе

¹ Но это и не чистая эмпирия, не замечающая или просто игнорирующая философские основания любых своих выводов, на которых они на самом деле держатся *изначально*, и наличие которых препятствует «независимости» взгляда на любой эмпирический материал, о чем чистосердечно как-то признался один английский этнолог: «Я пытался, но не мог понять» [5, с. 428].

² Уже сама возможность подобной рефлексии ставит социальную теорию в особое положение: в рамках естественных наук подобная рефлексия невозможна. «Физика, — писал М. Хайдеггер, — не может в качестве физики делать высказывания о физике. Все высказывания физики звучат как физика. Физика сама по себе не может стать предметом физического эксперимента» [11, с. 250]. Тем самым, если субъектом естественнонаучного дискурса является социальный субъект, а объектом является нечто несоциальное, то субъект и объект социального дискурса представляют собой *явления одного порядка*, «одной природы». Отсюда следует, что социальное пространство не может мыслиться в качестве только лишь конструкта социальной теории, поскольку оно одновременно оказывается и на стороне конструирующего данную теорию субъекта. Тем более, данное положение является одним из ключевых для концепции дискурсивных пространств самоидентификации, поскольку предполагает реляционность

позволяет утверждать, что всякое сущее социального мира как объект социальной теории в своем существовании *уже задано* процедурами интерпретации. Следовательно, теория и ее «объект» принадлежат одному и тому же плану имманенции, т. е. между ними *устанавливается* субъект – объектное тождество¹. Вот почему, в предлагаемой нами концепции дискурсивных пространств не существует «чистых» социальных объектов, которые не содержали бы в себе элемент означивания, т.е. предусматривающие практики интерпретации со стороны наблюдателя, равно как и не существует чистого метадискурса, противопоставленного таким объектам. Оппозиция между субъектом («производящего» теоретический дискурс) и объектом (до-дискурсивной и а-теоретичной вещью) заменяется представлением о *непрерывности* или *континууме* социального дискурса. Поэтому одной из важнейших теоретических процедур современной социальной теории становится трактовка всякого дискурса как исключительно социального явления, так и поиск в социальном объекте «следов» его дискурсивной конструкции. Но здесь нельзя не обратить внимание на одну существенную проблему. Так, создатели любой социальной концепции или теории, стараются делать себя невидимыми, говоря от лица воображаемого научного сообщества, и отталкиваются от пресловутой «научной объективности» (*иллюзия прозрачности*). Вместе с тем, в какой теории, как не в социальной необходимо внедрять имманентную позицию наблюдения, предполагающую концептуализацию субъективного, личного опыта исследователя и включение его в теоретический дискурс. Хотя необходимо любому социальному исследователю отдавать себе отчет в том, что эпистемологические основания такой теории отсутствуют и еще ждут своей разработки.

Итак, поскольку не существует никакой метапозиции социальных наук, то отсюда с необходимостью следует вывод, что социальная реальность не обладает такой «истиной», которая могла бы быть наблюдаема за его пределами. «Истина» социального существует только в *своих многочисленных вариациях*, трансформациях, в сложных опосредованиях или *бриколаже* (от фр. *bricoler* – рикше-тировать, делать зигзаги, идти окольным путем) через «вбирание» в себя многообразия социальных позиций субъекта. Таким образом, можно сказать, что социальная позиция является потенцией упорядочивания случаев, условием проявления истинного. Истина соци-

и крайнюю текучесть позиций и положений субъекта, которые не способен обозреть *глаз трансцендентного наблюдателя*.

¹ Об этом субъект-объектном тождестве Шеллинг писал: «Непосредственное тождество субъекта и объекта может существовать лишь там, где представляемое есть одновременно и представляющее, а созерцаемое – созерцающее. Такое тождество представляемого и представляющего существует только в *самосознании*; следовательно, искомая точка найдена в самосознании» [12, с. 254]. Или, выражаясь языком представляемой концепции, в процессах *самоидентификации*, непрерывно осуществляющихся в дискурсивном пространстве.

ального не существует вне открытости, чей модус варьируется при переходе субъекта от одной социальной позиции (точки зрения или место-имения) к другой. Данное варьирование проявляется в трансформации модусов упорядочивания случаев или, согласно Э. Гидденса, модусов структуриации при использовании определенных правил как своего рода формул, постоянно вовлеченных в процесс повседневной жизни субъекта и, проявляющихся в дискурсе: «Большинство правил, включенных в процесс производства и воспроизводства социальных практик, усваиваются актерами только на внутреннем уровне: субъекты деятельности знают, как им «следует себя вести». *Дискурсивное выражение правила является его интерпретацией*, и способно само по себе видоизменять форму его поведения» [6, с. 66]. Поэтому, несмотря на то, что социальная реальность не существует вне выражающих его позиций, т. е. собственно говоря, вне структуриации, тем не менее, *структурируемое никогда полностью не укладывается в отдельно взятой готовой структуре*¹. Итак, дискурсивные пространства самоидентификации не существуют до их структуриации или «производства» за счет опосредованного говорения субъекта о себе в определенных местах. И здесь уже не играет никакой роли, кем является данный субъект – он всегда находится в определенном месте. Тем самым, социальная позиция отсылает к модели текстуры как продуцирования (в противоположность тексту как продукту), т.е. к *самопорождающей* модели. А согласно самопорождающей модели, социальный текст пишется в процессе его прочтений и проговариваний, и в этом смысле он не может рассматриваться как нечто раз и навсегда данное, что, в свою очередь, делает предельно изменчивой позицию имманентного наблюдателя в дискурсивном пространстве и предполагает множество других мест и полей, которые он способен занимать. Но до каких тогда пределов возможно перемещение в социальных позициях имманентного наблюдателя? Можно ли исключить, даже в своем остаточном, рудиментальном виде, метаязык из имманентного наблюдения социальной реальности? И нужен ли вообще метаязык для современной микроуровневой социальной теории²? Но эти вопросы требуют отдельного анализа.

¹ Если же посмотреть с расширенной методологической перспективы на идею позиционной структуриации социального пространства, то она подразумевает, что любую позицию в социальном пространстве можно рассматривать как социальную *текстуру* (термин А. Лефевра). Но в отличие от французского социального теоретика, который считал, что оно произведено прежде, чем прочитано и увидено, и произведено не для того, чтобы быть прочитанным и увиденным [13, с. 142], мы исходим из того из основных положений концепции дискурсивных пространств самоидентификации, что они всегда вновь создаются или каждый раз воссоздаются вновь и вновь, благодаря зарождению и поддержанию в бесчисленных дискурсах.

² Известно, что метаязыковая практика социальных наук руководствуется, как правило, понятийно-концептуальным изучением социальной

Библиографические ссылки

1. **Барт Р.** Ролан Барт о Ролане Барте [Текст] / Р. Барт; пер. с фр. – М.: Ad marginem, 2002. – 288 с.
2. **Бауман З.** Текучая современность [Текст] / З. Бауман; пер с англ. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.
3. **Бедаш Ю.** Пространство как проблема постметафизической философии [Электронный ресурс] / Ю. Бедаш // Топос № 1(21). – 2009. – С. 94–113.
4. **Бикбов А.** Формирование взгляда социолога через критику очевидности [Текст] / А. Бикбов // Лемуар Р., Мерлье Д., Пэнто Л., Шампань П. Начала практической социологии. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2001. – С. 297–363.
5. **Бутинов Н.** Леви-Строс – этнограф и философ [Текст] / Н. Бутинов // Леви-Строс К. Структурная антропология. – М.: Наука, 1985. – С. 422–466.
6. **Гидденс Э.** Устроение общества: Очерк теории структуризации [Текст] / Э. Гидденс; пер. с англ. – М.: Академический Проект, 2005. – 528 с.
7. **Качанов Ю.** Социология социологии: антитезисы [Текст] / Ю. Качанов. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2001. – 185 с.
8. **Леви-Строс К.** Проблема метода исследований и преподавания антропологии [Текст] / К. Леви-Строс; пер. с фр. // Структурная антропология. – М.: Наука, 1985. – С. 245–285.
9. **Палагута В.** Самоидентификация социального субъекта в дискурсивных пространствах [Текст] / В. Палагута. – Д.: Инновация, 2010. – 440 с.
10. **Филиппов А.** Социология пространства [Текст] / А. Филиппов. – СПб.: Владимир Даль, 2008. – 285 с.
11. **Хайдеггер М.** Время и бытие: Статьи и выступления [Текст] / М. Хайдеггер; пер. с нем. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
12. **Шеллинг Ф. В. Й.** Система трансцендентального идеализма [Текст] / Ф. В. Й. Шеллинг; пер. с нем. // Сочинения : в 2 т. – М.: Мысль, 1987. – Т. 1. – С. 227–489.
13. **Lefebvre H.** The production of space [Text] / H. Lefebvre. – London; New York: Blackwell Publishing, 2007. – 454 p.

Надійшла до редколегії 21.01.11

реальности, что фактически исключает, за редким исключением, метафорическое конструирование социальной реальности со стороны трансцендентного наблюдателя, но что предельно обедняет социальную теорию. Тем не менее известно, что любой язык социальной теории в той или иной степени, даже в трансцендентной позиции наблюдения, допускает дискурс имманентной позиции как условие собственной возможности, а он неизбежно предполагает множество своих вариаций, что предельно проблематизирует саму ситуацию социального теоретизирования.